
СТРОГАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ПОВЫШЕНО ОПАСНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ, В ДОКТРИНЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ США

М.Б. Румянцев

Кафедра гражданского и трудового права
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается трактовка и объем понятия «повышено опасная деятельность», выработанные доктриной и правоприменительной практикой США. Соотносятся критерии, позволяющие разграничивать ситуации, в которых причинитель вреда привлекается к строгой ответственности либо к ответственности за небрежность.

Ключевые слова: США, деликт, строгая ответственность, повышено опасная деятельность, ответственность за небрежность, разумная забота и наивысшая забота.

В США самой распространенной классификацией деликтов является классификация, в основу которой положен признак вины. Согласно этой классификации деликты делятся на деликты, совершенные намеренно (*intentional torts*), совершенные по неосторожности (*negligent torts, negligence*) и влекущие строгую ответственность (*strict или absolute liability*).

Последняя преимущественно возникает, как полагают американские и отечественные правоведы, если вред причинен:

- источником повышенной опасности или повышено опасной деятельностью (*ultra hazardous / abnormally dangerous activity / substance*);
- дикими или опасными животными (*wild animals*);
- некачественными товарами, работами, услугами потребителю (*product liability*) [5. С. 106; 12].

Часть правоведов, в том числе практикующие юристы, включают некоторые дефекты товаров (*product defects* — напр., Ken LaMance [14]) и вред, причиняемый домашними животными (напр., Taylor S. Klett [18]), в качестве подвидов *abnormally dangerous activity*. Хотя для большинства правоведов, включая судей, последние составляют отдельные существующие самостоятельно правонарушения, влекущие строгую ответственность. Этой концепции, по преимуществу, будем придерживаться и мы.

Поскольку (как будет показано ниже) деликтное право США формировалось в рамках и духе общего права, позволявшего судам в ходе рассмотрения отдельных дел формулировать обязательные для повсеместного соблюдения правила, роль статутного права в этом формировании была на первых порах гораздо скромнее.

Именно судебная практика выработала два основных подхода к возложению ответственности на причинителя вреда — объективное вменение (*strict liability*) и ответственность за вину, включая такую ее форму, как небрежность (*negligence*).

Значение этих подходов состоит в следующем: 1) при объективном вменении причинители обязаны возместить потерпевшим весь понесенный ими ущерб независимо от их вины в какой бы то ни было форме умысла или небрежности; 2) в случае проявления причинителем небрежности вызванный ею вред возмещается (также в полном объеме) не при любой небрежности, а при отступлении от некоторых, заранее известных мер предосторожности (*standard of care*).

Так, во втором случае при рассмотрении дел такой категории основным вопросом, требующим ответа, становится вопрос, будет ли разумное лицо средних умственных способностей в положении *tortfeasor* — причинителя вреда (некого абстрактного лица *D — M.P.*) — действовать этим способом при данных обстоятельствах или оно предпочтет делать что-либо такое, что обычных способностей разумное лицо не делало бы (*United States v. Carroll Towing Co.* 159 F.2d 169 (2d. Cir. 1947)).

При этом учитываются: 1) текущая осведомленность (прямое положительное знание факта или информации, достаточной для того, чтобы поставить разумное обладающее средними умственными способностями лицо в состояние осведомленности по такому факту — напр., *Trimarco v. Klein Ct. of App. of N.Y.*, 56 N.Y.2d 98, 436 N.E.2d 502 (1982)); 2) очевидность, следующая из обстоятельств (*res ipsa loquitur* — лат. «вещь скажет за себя сама»).

Стоит отметить, что в большинстве современных правовых систем деликтное право зиждется на принципе, согласно которому достаточной причиной для признания ответственным лица за ущерб, причиненный потерпевшему, служат его виновные небрежные действия, следствием которых такой ущерб и является. Данный принцип, названный принципом вины (или, другими словами, «нет ответственности без вины»), оставался неоспоримым вплоть до конца XIX — начала XX в. в Германии, Франции и странах общего права, где под его влиянием небрежность (*negligence*), повлекшая за собой правонарушение, стала самостоятельным основанием деликтного иска [7. С. 428].

Так, еще в 1911 г. Верховный суд штата Нью-Йорк признал неконституционным закон, который закрепил строгую ответственность предпринимателей за несчастные случаи производственного характера в определенных, опасных для жизни людей отраслях промышленности.

Судья Вернер дал резкую отповедь защитникам этого закона, который, по их мнению, просто устранял устаревший принцип общего права о необходимости рабочих сознательно брать на себя риски несчастных случаев производственного характера при выполнении ими своих служебных обязанностей. «Конституция, уже в силу своей сути и последствий ее применения, запрещает наказывать граждан, — отмечал он, — или возлагать на них ответственность, если

они не нарушили закон или в их действиях нет вины» (*Ives v. South Buffalo Railway Co.* 201 N.Y. 271, 94 N.E. 431, (1911)).

Тем не менее, наиболее часто ограничения принципа вины стали проявляться после этого в том, что судебная практика стала переходить от критериев индивидуального характера к критериям обобщающим, типизирующим и касающимся способности соблюдать меры безопасности не отдельной личностью, а определенной профессиональной группой или участниками определенной сферы предпринимательской деятельности, к которой принадлежит нарушитель. Так, в США издавна считается общепризнанным, что предприниматель обязан соблюдать тщательные, очень тщательные и наивысшие меры предосторожности (*high care, highest care* и *utmost care*) при обращении с повышено опасными (*ultra-hazardous*) материалами или энергиями (*Rylands v. Fletcher*, L.R. 3 H.L. 330 (1868)) [7. С. 431].

Точное следование судьями этому правилу стало требовать от причинителя вреда проявления столь высокой степени предосторожности, что установить различия между виновной и безвиновной ответственностью становилось практически невозможно. И если речь заходила о случаях, когда в интересах социальной справедливости представлялось необходимым более сбалансированно распределять риски несчастных случаев, судьи склонялись к тому, чтобы поднять планку требований, предъявляемых к мерам предосторожности, на практически недостижимую высоту.

В силу этого в американском праве последствия ответственности за ущерб в результате небрежности (*negligence*) в некоторых случаях (например, при прокладке электрических кабелей (*Jones v. Southern Utah Power Co.* 106 Utah 182. 150 P. 2d 376 (1944), *Ottertail Power Co. v. Duncan* 137 F. 2d 157 (8th Cir. 1943), *Chase v. Washington Power Co.* 62 Idaho 298 11 P. 2d 872 (1941)) и др.) сближаются с ситуацией наступления строгой ответственности в западноевропейских странах (напр., в Германии).

Одним из факторов, сближающих ответственность за ущерб, причиненный по небрежности, с ответственностью независимо от вины, выступает то обстоятельство, как отмечают К. Цвайгерт и Х. Кетц [7. С. 435], что деликтные иски почти всегда рассматриваются судом присяжных. Задача судьи в подобных случаях лишь в том, чтобы контролировать ход устойчивого разбирательства, решать вопрос допустимости использования сторонами тех или иных способов доказательства своих утверждений и, наконец, устанавливать присяжным правовые принципы, которыми они должны руководствоваться при рассмотрении обстоятельств дела.

Только присяжные могут оценивать и давать юридическую квалификацию обстоятельствам дела на основании принципов, устанавливаемых судьей. Но их основная цель состоит в том, чтобы определить, виновен ответчик или нет. Лишь в исключительных случаях судья наделяется правом заставить присяжных в принудительном порядке принять решение об удовлетворении или отклонении иска или же отменить задним числом уже принятое ими решение. Он может поступить так только в том случае, если доказательства сторон, по его

мнению, вне всякого сомнения недостаточны для поддержания иска или обоснования защиты или если вердикт присяжных находится в вопиющем противоречии с результатами проведенного разбирательства.

Совершенно очевидно, что неопытный судья всегда будет склонен принимать решение в пользу потерпевшего и квалифицировать действия ответчика как небрежные, особенно если ответчиком является крупное и, без сомнения, ликвидное предприятие или если ясно, что данный случай покрывается его страховкой от ответственности за причинение вреда.

Для ограничения повышенной опасной деятельности, причиняющей вред (за нее наступает безвиновная ответственность), от деятельности иной практически полезно обратиться к анализу нескольких доктрин (*doctrines*), на которых судьи основывают свои решения, пополняющие систему прецедентного права США в сфере в том числе квалификации отношений в качестве причинения вреда источником повышенной опасности.

Приведем в качестве примера несколько деликтных доктрин, объединяемых наименованием доктрин вмененной халатности (слово «вмененный» используется нами в данном контексте в смысле «презюмируемый»), которые можно было бы принять за доктрины, лежащие в основе наступления строгой ответственности, тогда как по факту это — ответственность за небрежное поведение, т.е. за поведение виновное.

Доктрины вмененной халатности — это группа деликтных доктрин в праве США, которые налагают ответственность на одного человека за противоправные действия другого, с которым лицо имеет особые отношения (например, родитель и ребенок, работодатель и наемный работник, владелец транспортного средства и водитель, муж и жена, педагогический работник и воспитуемое им лицо и др.).

Основанием доктрин является то обстоятельство, что на лице, не являющимся фактическим причинителем вреда, лежит обязанность проявлять заботу таким образом, как будет в аналогичных обстоятельствах действовать разумный человек (*reasonable man*).

На правовой основе доктрин вмененной халатности строится субсидиарная ответственность за причинение вреда источником повышенной опасности. При субсидиарной ответственности наряду с ответственностью фактического причинителя вреда наступает ответственность ненаносящего вреда лица за противоправные действия причинителя, который действовал небрежно и с которым у лица, фактически не нанесшего вред, имеются особые правовые отношения. При обычных условиях независимое проявление халатности одним человеком не вменяется в вину другому.

Примерами разновидностей доктрин вмененной халатности выступает, например, доктрина предоставления надлежащим ответчиком хозяина и доктрина надлежащей семейной заботы.

Доктрина предоставления надлежащим ответчиком хозяина (на латыни «пусть ответит хозяин») основана на особых отношениях, возникающих между работодателем и работником. Доктрина делает работодателя ответственным за

отсутствие помощи со стороны работника по отношению к тем, к которым работодатель обязан проявить заботу. Для применения доктрины предоставления надлежащим ответчиком хозяина необходимо, чтобы работник совершил правонарушение по неосторожности либо умышленно при исполнении своих служебных обязанностей.

Отметим в этой связи, что установить, действовал ли работник в сфере служебных обязанностей, можно на основании следующих фактов: 1) практически поведение должно произойти в пределах времени и пространства, когда работник обязан исполнять служебные обязанности; 2) работник должен быть мотивированным, по крайней мере, частично, действовать в интересах предпринимателя; 3) деяние должно быть совершено по мотивам такого рода работ, для выполнения которых работник был нанят.

Примером этого является случай, если работник управлял автомобилем и совершил наезд на пешехода в обычное рабочее время. Будет ли работодатель нести ответственность в этой ситуации, зависит от того, действовал ли работник в пределах своих служебных обязанностей. Например, если несчастный случай произошел в то время, когда работник ехал из своего офиса к клиенту работодателя, работодатель, скорее всего, будет нести ответственность.

С другой стороны, если несчастный случай произошел в то время, когда работник покинул клиента и, проезжая через город в направлении, противоположном его офису, чтобы купить билеты на футбол, совершил наезд на пешехода, работодатель не может быть ответственен за это деяние работника.

На работодателя возлагается юридическая ответственность за небрежность работника, поскольку работник не считается агентом работодателя. Если неправомерные действия, совершенные работником, происходят в рамках общей сферы его занятости, то работодатель будет нести ответственность за нанесенный ущерб. Например, если водитель бензовоза на пути к заправочной станции проехал на красный свет и произошло столкновение с другим автомобилем, сопряженное с нанесением телесных повреждений, и судом доказано, что инцидент произошел при доставке бензина, компания будет нести ответственность за телесные повреждения, если будет доказана небрежность водителя. При причинении вреда пациенту действиями среднего или младшего медицинского персонала ответственность за это несут врач или администрация лечебного учреждения при наличии в поведении такого персонала неосторожности, проявившейся в различных формах: при постановке неправильного диагноза с последующим неправильным лечением, неосторожности при правильном лечении, осуществлении лечебных мероприятий против воли пациента.

Другим распространенным примером вмененной халатности является возложение ответственности на владельца автомобиля при проявлении небрежности со стороны водителя автомобиля. Этот тип отношений в ряде штатов вписывается в рамки доктрины семейного автомобиля, — более употребительное ее название — доктрина надлежащей семейной заботы.

Доктрина основана на предположении, что глава семьи предоставляет автомобиль для семейного использования, и, следовательно, водитель автомобиля

выступает в качестве агента владельца. Когда, например, ребенок ездит на машине, зарегистрированной на родителей, то родитель несет ответственность за халатность ребенка.

Ответственность может быть также вмененной для владельца автомобиля, который передает его в пользование другу. Здесь опять водитель автомобиля действует в качестве агента владельца. Если пострадавший от халатности водителя подает в суд на самого водителя, такой истец может проиграть иск, так как халатность водителя может быть поставлена в вину владельцу, тем самым делая водителя лишь субсидиарно ответственным за небрежность. Эта концепция известна как вмененная встречная вина.

Еще один пример сходных отношений, — отношения преподавателя или иного педагогического работника за причинение вреда действиями воспитуемого ими лица, связанными с эксплуатацией, например, автомобиля [13], который по законодательству РФ можно причислить к источнику повышенной опасности (далее — ИПО).

В праве США презюмируется, что в ряде случаев роль родителей в проявлении надлежащей заботы имеют право и должны брать на себя педагогические работники. Этот деликт из причинения вреда источником повышенной опасности (деятельностью, повышено опасной для окружающих) имеет и особый состав деликта, что будет видно ниже. Для такого деликта, в том числе и связанного с ИПО, характерно наличие четырех черт:

1) обязанность педагогического работника защищать от возможного причинения вреда воспитуемым (*duty to protect*) предметы внешнего мира, выступающие объектом правовой защиты в той или иной ситуации (окно школьного здания, которое школьник может разбить, попав в него мячом и пр.). Данное положение основывается на доктрине «*In loco parentis*». Эта правовая доктрина обосновывает придание педагогическому работнику на месте (как правило, в пределах времени педагогической работы) власти и авторитета родителей. Доктрина дополняется положением о существовании даже вне пределов учебного заведения (*outside the classroom*), но в учебное время, в том числе и при дороге в/из учебного заведения, особой правовой связи (*relationship*) между педагогическим работником и воспитуемым;

2) нарушение (*breach*) или невыполнение педагогическим работником (преподавателем) так называемого стандарта разумной степени заботы (*standard of reasonable care*);

3) наличие ближайшей причины (*proximate cause*) — т.е. причинно-следственной связи между провинностью педагогического работника и вредом, который причинил воспитуемый ИПО. При этом эта связь может выступать даже просто логической (*logical*). Правда, существует и исключение: если будет доказано, что воспитуемый действовал разумно, то педагогический работник ответственности не несет;

4) наличие вреда (*injury*), под которым понимаются как физический, так и моральный вред. Ответственность педагогического работника не наступает, если вред невозможно доказать.

Кроме того, рядом штатов (27 из 50 штатов, в том числе такими крупными, как Калифорния, Миннесота, Вашингтон, Иллинойс, Вермонт, Юта, Северная Дакота, Массачусетс, Невада и др.) предусмотрена еще более строгая мера: так называемое *corporal punishment* — телесное наказанное педагогических работников за создание по небрежности таких условий, которые благоприятствовали причинению воспитуемым вреда ИПО (например, езда на автомобиле, мопеде, мотоцикле в нетрезвом виде и наезд на пешехода). В случае если педагогические работники «берегли розгу и портили ребенка» (*spared the rod and spoiled the child*), то в зависимости от степени тяжести правонарушения (*offense* и др.) и способности воспитуемого самостоятельно нести наказание в той или иной мере могло применяться и означенное выше наказание.

При этом, как подчеркивается исследователями, «должны приниматься во внимание размеры, состояние здоровья, возраст, пол ребенка, а также его физическое / эмоциональное состояние» [11].

Иными словами, важным разграничительным пределом при установлении в действиях причинителя вреда вины в форме небрежности служит критерий проявления должной заботы (*reasonable care*). Интересно привести некоторые элементы установления *prima facie* в делах о небрежности: 1) действие или бездействие, совершено неким лицом А; 2) на нем лежала обязанность действовать по разуму, проявляя правильную заботу для того, чтобы следовать стандарту поведения таким образом, чтобы избежать нежелательного и необоснованного риска для других лиц; 3) лицо А нарушило эту обязанность; 4) тем самым потерпевшему причинен ущерб [15].

Возвращаясь к строгой ответственности напомним общее правило: если деятельность является повышено опасной (*ultra hazardous* или *abnormally dangerous activity*), то она опасна даже тогда, когда высшая степень внимания и заботы не устраняет риск наступления вреда. Если кто-то пострадал из-за такой деятельности, обвиняемый несет ответственность независимо от степени проявленной заботы по предотвращению вреда только потому, что таким лицом нарушена абсолютная обязанность сделать что-то безопасным (*based on the breach of an absolute duty to make something safe*) [21. P. 264–265].

В таких случаях потерпевший может требовать возмещения личного или имущественного вреда без доказательства нарушения обязанности соблюдать необходимые меры предосторожности в тех случаях, когда эти виды строгой ответственности ввели Легислатуры штатов (реже когда они установлены прецедентами — об этом речь пойдет ниже). Таким образом, предусмотренная законами штатов строгая ответственность никак не зависит о формы вины. С.В. Соловьева полагает в этой связи, что это специальный вид защиты и он является исключением из правила и не может служить аргументом против рассмотрения вины в качестве общего условия деликтной ответственности [5. С. 140].

Проиллюстрируем сказанное примером. Дэвид хранит емкости с легковоспламеняющимся пропаном в принадлежащем ему помещении. От случайной искры эти емкости воспламеняются, и огнем наносится вред имуществу Сола, расположенному поблизости. И хотя возгорание — это случай действия непре-

одолимой силы (act of God), а ни в коем случае не вина Дэвида, — последний понесет строгую ответственность только потому, что имуществу Сола причинен ущерб.

Разница между ответственностью в результате допущения простой небрежности (ordinary negligence) и строгой ответственностью (strict liability) заключается в природе обязанности, лежащей на причинителе вреда. При простой небрежности на потенциальном причинителе вреда лежит обязанность должной заботы (due care), при строгой ответственности, — суть обязанности в том, чтобы избежать причинения потенциальным потерпевшим любого вреда [12].

Обстоятельства, при которых возникает строгая ответственность причинителя вреда, устанавливаются законами штатов. Деликт также определяют нормы общего права в отношении источника повышенной опасности. В настоящее время вследствие развития законодательства эти нормы общего права и их роль в регулировании данного вида деликта — причинения вреда источников повышенной опасности — снижается, поскольку составляющие его правила установлены в законах и применяются как их нормы.

Однако суды сохраняют за собой приоритет при толковании в ходе применения таких норм. По-прежнему решение о применении установленных законами норм строгой ответственности в тех или иных случаях по признакам, подпадающим под правила данного деликта, — причинения вреда источников повышенной опасности — остается за судьями [5. С. 127].

Иными словами, потерпевший может требовать возмещения личного или имущественного вреда без доказательства нарушения обязанности соблюдать необходимые меры предосторожности в тех случаях, когда эти виды строгой ответственности ввели законодательные органы штатов.

Строгая ответственность не имеет места в случае:

1) действия непреодолимой силы (Nichols v. Marsland (1876) 2 Ex.D.1; положения закона США «О действиях в отношении окружающей среды, компенсации и ответственности» (закон о Суперфонде [1]), — однако это далеко не всегда так. Так, например, суды редко признают, что даже необычно сильный шторм, страшный ливень или снежная буря являются действием непреодолимой силы;

2) умысла или грубой небрежности потерпевшего (по мнению Цвайгерта К. и Кетца Х. [7. С. 462]).

С.В. Соловьева [5. С. 127] полагает, что правилом при возникновении строгой ответственности является снижение размера возмещения реального ущерба пострадавшему, допустившему грубую неосторожность в своем поведении, которая и повлекла за собой нанесение ему ущерба. Такое положение вещей возможно, отмечают правоведы юридического факультета Университета Мериланда [19], в тех юрисдикциях, где признается и действует доктрина сравнительной вины (comparative fault doctrine) или доктрина сравнительной небрежности (comparative negligence doctrine), на основе которой степень вины (небрежности) участников деликта сравнивается.

В случае, когда обе стороны понесли ущерб, ответственность распределяется между сторонами. Такое положение применяется в тех юрисдикциях, где действует доктрина *contributory negligence*, основывающаяся на представлении о необходимости оценки вклада, доли, степени участия каждого из участников правонарушения. Эти деликтные доктрины применяются при множественности лиц в деликтном обязательстве.

И положения общего права, и законы штатов, закрепившие эти положения, относят к случаям, когда строгая ответственность не имеет места, и иные случаи:

1) когда, например, вред нанесен лицу, получающему выгоду от контакта с деятельностью, создающей опасность окружающим;

2) когда предприятие-ответчик, причинивший своей деятельностью вред, принадлежит к ведущей отрасли хозяйства страны (в данной местности, напр., нефтедобытчик в штате Техас — *Turner v. Big Lake Oil Co.* 128 Tex. 155, 96 S. W. 2d 222 (1936)) или когда ответчик — это публичные (государственные) предприятия, поставляющие потребителям электричество и газ, частные строительные компании (в особенности занимающиеся строительством дорог и др.), компании, работающие на правительство. При столкновении с такими компаниями (предприятиями) потерпевший должен доказать, что ответчик проявил небрежность (*negligence*) или совершил умышленное причинение вреда (*intentional tort*) [9. P. 262];

3) в случае причинения вреда вследствие действий врага государства (*public enemy*), злонамеренных действий третьих лиц, умышленно негативно воздействовавших на вещь (объект), причинивший вред [16. P. 337].

Интерес в этой связи представляет безвиновная допустимость ответственности государства за действие источника повышенной опасности и его «иммунитеты» — ограничения такой ответственности. Принято считать [3. С. 131–138], что финансовое состояние США после ряда войн, имевших место в XIX в. (напр., войны между Великобританией и США (1812–1814), войны США против индейцев (1832) и др. [6]), обусловило иммунитет государства в судебных спорах.

Закон о рассмотрении исков в суде США, принятый в 1855 г., установил специальный трибунал, расследовавший правонарушения со стороны государства. Согласно положениям этого закона компенсации подлежали нарушения не из деликта, а только по договору. Изменение ответственности государства из деликта на уровне законодательства было предложено президентом Рузвельтом в 1942 г. Полное отсутствие деликтной ответственности государства было устранимо в новом Федеральном законе о претензиях из причинения вреда (*Federal Tort Claims Act* [10]), вступившем в действие в 1946 г. Вместе с тем ответственность Соединенных Штатов по данному закону распространяется только на действующих в пределах своих официальных обязанностей должностных лиц, совершивших правонарушения.

Иными словами, ситуация такая же, как и в случае применения одной из доктрин вмененной халатности, рассмотренных нами выше.

Закон устанавливал равенство ответственности государства с частными лицами по искам в случаях причинения ими вреда при аналогичных обстоятельствах. Однако у этого правила были исключения. Наиболее значительным из них являлось то, что США освобождались от ответственности за вред, полученный в результате реализации дискреционных полномочий федеральных органов власти (*the discretionary function exception*) независимо от превышения или непревышения этих полномочий.

Для определения распространения дискреционных полномочий на конкретное действие органа власти суды используют примененный в деле *Berkovitz v. United States* (486 U. S. 531, 536 (1988)) тест. Первым делом следует определить, элемент «решения» или элемент «выбора» включали действия должностного лица. Однако элемент выбора невозможно выявить в случае наличия регламента действий служащего, предписанного федеральным законом, распоряжением или иным нормативным актом (*United States v. Gaubert* (486 U. S. at 536 (1988))).

После того как в действиях служащего суд найдет элемент принятия решения, наступает второй этап, на котором суд определяет наличие или отсутствие в основе решения служащего соображений социальной, экономической или политической необходимости. Именно наличие последних соображений и составляет предмет защиты исключения о дискреционных полномочиях (*United States v. Gaubert*). Данные исключения из ответственности государства Верховный Суд США впоследствии подробно истолковывал своими судебными решениями, например, по делам *Delehite v. United States* (346 U. S. 15 (1953)), *Hargove v. Town of Coca Beach* [20. P. 92], *Monroe v. Pape* (365 U. S. 167 (1961)) и др.

Федеральный закон о претензиях из причинения вреда также конкретизировал, что ответственность Соединенных Штатов должна определяться по законодательству места, где произошло причинение вреда действием или бездействием (28 U. S. C. S. 1346(b)). При этом суд должен применять закон, который был бы применен судом штата при аналогичном причинении вреда, включая федеральное законодательство (*Caban v. United States*, 728 F.2d 68, 72 (2d Cir. 1984); *Richards v. United States*, 369 U. S. 1, 11-13 (1962)).

Подача заявителем иска к государству о причинении вреда в результате нарушения Конституции поведением должностных лиц государственных органов невозможна, поскольку такое поведение может нарушать только федеральное законодательство и не нарушать законодательство штата (*FDIC v. Meyer*, 114 S. Ct. 996, 1001 (1994)), а деликтная ответственность — это, по большей части прерогатива именно штатного регулирования). Поэтому как следствие — аналогично положениям федерального законодательства законы штатов определяют ответственность государства, предусмотрев ряд исключений [2. С. 187–189].

Что касается процедуры, то рассмотрение исков о привлечении к ответственности государства требует от истцов соблюдения досудебного порядка удовлетворения их претензий. В суд иск может быть подан истцом только после отказа государственного органа, потенциально виновного перед истцом, возмещать ему вред, либо из-за отсутствия ответа этого органа на претензию истца

в течение шести месяцев со дня их получения (U.S.C. S. 2675). Если истец согласен на заключение мирового соглашения, выплата и порядок компенсации из казны Соединенных Штатов должностное лицо виновного органа определяет самостоятельно [4. С. 141–152]. Заключенное мировое соглашение также освобождает государство от любых иных обязательств по данному делу (U.S.C.S. 2672).

Следует заметить, что государство несет ответственность за действия независимого подрядчика, если доказано, что физическое выполнение работ подрядчиком администрация была уполномочена контролировать и осуществляла ежедневный существенный надзор за его работой (United States v. Orleans, 425 U. S. 807, 814-15 (1976); Letnes v. United States, 820 F. 2d 1517, 1519 (9th Cir.1987)).

Таким образом, общий дух приведенных предписаний показывает, что их логика в основном такая же, как и та, что исключает из-под действия строгой ответственности те виды повышено опасной деятельности, которые являются обычными (appropriate) для того места, где осуществляется. Например, для предприятий нефтедобывающего штата добыча нефти является обычной.

Проведенный анализ свидетельствует, что существует более или менее завуалированная тенденция сближать тем или иным образом виновную ответственность со строгой, в том числе и в отношении вреда, причиненного источником повышенной опасности, в частности, путем объективирования понятия «небрежность» (negligence), путем предъявления крайне жестких требований к соблюдению необходимых мер осмотрительности, заботы (care), путем манипулирования распределением бремени оправдательного доказательства между сторонами и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Грибовский С.В., Иванова Е.Н., Львов Д.С., Медведева Ш.Е. Оценка стоимости недвижимости: Учебник. — Интерреклама, 2003. URL: <http://www.bibliotekar.ru/biznes-8/92.htm>.
- [2] Никеров Н.Г. Административное право США. — М., 1977.
- [3] Нуриев А.Х. Ответственность государства за причинение вреда участникам гражданских правоотношений в праве зарубежных стран // Право и государство. — 2010. — № 10. — С. 131–138.
- [4] Рипинский С.Ю. Институт внедоговорной имущественной ответственности государства в зарубежном праве и праве Европейского Союза // Правоведение. — 2002. — № 4. — С. 141–152.
- [5] Соловьева С.В. Основные институты обязательственного права правовой системы США. — М.: Норма, 2007.
- [6] Хронос. Всемирная история в интернете. США в XIX веке. URL: <http://www.hrono.ru/1800us.php>.
- [7] Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. В 2 т. — Т. 2. — М., 1998.
- [8] Atiyah P., Cane P. Atiyah's Accidents, Compensation and the Law. 6th ed. — Cambridge, 2006.

- [9] *Cathy J. Okrent*. Torts and Personal Injury Law. Forth edition. Delmar, Sengage Learning. 2010. URL: <http://books.google.ru>.
- [10] Federal Tort Claims Act. 28 U.S.C. §§ 1346 (b), 2671-2680. URL: <http://uscodebeta.house.gov>.
- [11] *Fischer L., Schimmel D., Kelly C.* Teachers and the Law. Ed. White Plains. — NY, Addison Wesley Longman, Inc. 5th edition, 1999.
- [12] Introduction to Strict Liability. URL: http://nationalparalegal.edu/public_documents/courseware_asp_files/torts2/StrictLiability/IntroductionToStrictLiability.asp.
- [13] *John M. Drye*. Esq. Tort Liability101: When are Teachers Liable? // Educator Resources, 1999. URL: <http://www.educator-resources.com/pdf/Teacher%20Tort%20Liability.pdf>.
- [14] *Ken LaMance*. Strict Liability. Abnormally Dangerous Activities. 12-06-2012. URL: <http://www.legalmatch.com/law-library/article/strict-liability.html>.
- [15] Legal Liability and Negligence. URL: <http://thismatter.com/money/insurance/legal-liability.htm>.
- [16] *Linda L. Edwards, J. Stanley Edwards, J.D. Patricia Kirtley*. Strict Liability. // Tort Law for Legal Assistants, Fourth Edition. Delmar, Cengage Learning. 2009. URL: <http://books.google.ru>.
- [17] *Sisk G.E.* Litigation with the Federal Government: Cases and Materials. N.Y., 2000. P. 161.
- [18] *Taylor S. Klett*. Strict Liability and Product Liability. URL: <http://www.shsu.edu/~klett/CH%206%20NEW%20PRODUCT%20LIABILITY%20NEGLIGENCE.htm>.
- [19] Torts. University of Maryland School of Law. URL: http://www.law.umaryland.edu/students/life/orgs/sba/.../torts_unknown2.doc.
- [20] *Verma G.P.* State Liability in India. — New Delhi, 1993.
- [21] *William R. Buckley, Cathy J. Okrent*. Torts and personal injury law. 3rd ed. — Delmar Learning, 2004. URL: <http://books.google.ru>.

STRICT LIABILITY ULTRA-HAZARDOUS ACTIVITY IN THE DOCTRINE AND LAW-ENFORCEMENT PRACTICE OF THE USA

M.B. Rumyantsev

The Department of Civil and Labour Law
Peoples' Friendship University of Russia
6, Mikhlukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

The article embraces the approaches of the USA jurisprudence and law enforcement practice towards the concept of ultra hazardous / abnormally dangerous activity. The criteria, allowing to differentiate situations in which the tortfeasure is liable to a strict liability, or to responsibility for negligence are being touched upon.

Key words: USA, tort, strict (absolute) liability, ultra hazardous / abnormally dangerous activity, negligence, reasonable care and utmost care.

REFERENCES

- [1] *Gribovskij S.V., Ivanova E.N., L'vov D.S., Medvedeva Sch.E.* Otsenka stoimosti nedvizhimosti: Uchebnik. — Interreklama, 2003. URL: <http://www.bibliotekar.ru/biznes-8/92.htm>.
- [2] *Nikerov N.G.* Administrativnoe pravo SShA. — M., 1977.
- [3] *Nuriev A.Kh.* Otvetstvennost' gosudarstva za prichinenie vreda uchastnikam grazhdanskikh pravootnoshenij v prave zarubezhnykh stran // Pravo i gosudarstvo. — 2010. — № 10. — S. 131–138.
- [4] *Ripinskij S.Yu.* Institut vnedogovornoj imuschestvennoj otvetstvennosti gosudarstva v zarubezhnom prave i prave Evropejskogo Soyuza // Pravovedenie. — 2002. — № 4. — S. 141–152.
- [5] *Solov'eva S.V.* Osnovnye instituty obyazatel'stvennogo prava pravovoj sistemy SShA. — M.: Norma, 2007.
- [6] Khronos. Vsemirnaya istoriya v internete. SShA v XIX veke. URL: <http://www.hrono.ru/1800us.php>.
- [7] *Tsvajgert K., Ketts Kh.* Vvedenie v sravnitel'noe pravovedenie v sfere chastnogo prava. V 2 t. — T. 2. — M., 1998.
- [8] *Atiyah P., Cane P.* Atiyah's Accidents, Compensation and the Law. 6th ed. — Cambridge, 2006.
- [9] *Cathy J. Okrent.* Torts and Personal Injury Law. Forth edition. Delmar, Sengage Learning. 2010. URL: <http://books.google.ru>.
- [10] Federal Tort Claims Act. 28 U.S.C. §§ 1346 (b), 2671-2680. URL: <http://uscodebeta.house.gov>.
- [11] *Fischer L., Schimmel D., Kelly C.* Teachers and the Law. Ed. White Plains. — NY, Addison Wesley Longman, Inc. 5th edition, 1999.
- [12] Introduction to Strict Liability. URL: http://nationalparalegal.edu/public_documents/courseware_asp_files/torts2/StrictLiability/IntroductionToStrictLiability.asp.
- [13] *John M. Drye.* Esq. Tort Liability101: When are Teachers Liable? // Educator Resources, 1999. URL: <http://www.educator-resources.com/pdf/Teacher%20Tort%20Liability.pdf>.
- [14] *Ken LaMance.* Strict Liability. Abnormally Dangerous Activities. 12-06-2012. URL: <http://www.legalmatch.com/law-library/article/strict-liability.html>.
- [15] Legal Liability and Negligence. URL: <http://thismatter.com/money/insurance/legal-liability.htm>.
- [16] *Linda L. Edwards, J. Stanley Edwards, J.D. Patricia Kirtley.* Strict Liability. // Tort Law for Legal Assistants, Fourth Edition. Delmar, Cengage Learning. 2009. URL: <http://books.google.ru>.
- [17] *Sisk G.E.* Litigation with the Federal Government: Cases and Materials. N.Y., 2000. P. 161.
- [18] *Taylor S. Klett.* Strict Liability and Product Liability. URL: <http://www.shsu.edu/~klett/CH%206%20NEW%20PRODUCT%20LIABILITY%20NEGLIGENCE.htm>.
- [19] Torts. University of Maryland School of Law. URL: http://www.law.umaryland.edu/students/life/orgs/sba/.../torts_unknown2.doc.
- [20] *Verma G.P.* State Liability in India. — New Delhi, 1993.
- [21] *William R. Buckley, Cathy J. Okrent.* Torts and personal injury law. 3rd ed. — Delmar Learning, 2004. URL: <http://books.google.ru>.